

К. Д. Ушинский

Константин Дмитриевич Ушинский
С. Ф. Егоров
Воспитание человека. Избранное
Серия «Педагогика детства»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11790998

К.Д. Ушинский. Воспитание человека: Избранное/ Сост., вступ. статья С.Ф. Егорова.: Издат.

дом «Карапуз»; Москва; 2000

ISBN 5-8403-0040-3, 5-7995-0590-7

Аннотация

В книге представлены избранные статьи и фрагменты научно-педагогических трудов великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), относящиеся к ребенку-дошкольнику, его воспитанию и развитию. Сюда же включены выдержки из его знаменитых книг для детского чтения «Родное слово» и «Детский мир», являющиеся своего рода энциклопедиями элементарных, доступных пониманию ребенка знаний.

Предназначенная родителям и воспитателям, книга является пособием в первоначальном обучении и воспитании детей. Она также будет полезна преподавателям и студентам средних и высших педагогических учебных заведений.

Содержание

К читателям	5
О Константине Дмитриевиче Ушинском	6
Статьи	14
Родителям и воспитателям	14
Преимущества домашнего обучения	14
О воспитании в русской семье	15
Реалии народности в формировании характера	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Ушинский

Воспитание человека. Избранное

© Издательский дом «Карапуз», 2000.

© С.Ф. Егоров, составление, вступ. статья, 2000.

К читателям

Воспитание ребенка!.. Оно связано не только с радостью, но и со многими огорчениями и проблемами. Так ли мы строим свои отношения с детьми? Какими они вырастут? Ответят ли нам любовью?

Иногда мы думаем о воспитании как о деле простом, даже элементарном: нужно лишь иметь терпение да не терять надежды – все остальное придет само собой. Другой раз воспитание нам кажется непостижимо сложным искусством. Беспокойство же за судьбу ребенка остается во всех случаях. И так хочется посоветоваться с кем-то более опытным, владеющим специальными, научно обоснованными знаниями о детях, о проверенных практикой средствах воспитания!

Богатейшим источником таких знаний является классическое педагогическое наследие. Классическим оно называется потому, что представлено в лучших образцах и достижениях. Педагогическим – потому, что ориентировано на гармоническое развитие дарованных ребенку от природы способностей. Наследием оно считается потому, что в идеальной форме отражает опыт многих поколений, завещанный нам для того, чтобы мы воспользовались им во благо наших детей и свое собственное.

Одним из тех, кто создавал и приумножал это наследие, был Константин Дмитриевич Ушинский.

О Константине Дмитриевиче Ушинском

Удивительна и драматична судьба этого человека, ученого, педагога. Со школьной скамьи и до последних дней жизни ему сопутствовали необыкновенные успехи и горькие разочарования. Один из способных учеников гимназии, он «проваливается» на выпускном экзамене, не получает аттестата. Но уже в двадцать лет, окончив первым кандидатом юридический факультет Московского университета, он назначается профессором лицея. Через три года его лишают профессорской кафедры. Приехав в Петербург, он тщетно ищет места учителя, а через несколько лет русская императрица беседует с Ушинским как авторитетнейшим педагогом России. Царица просит у него советов по воспитанию наследника престола Российской Империи.

Перед ним открывалась карьера ученого. Он проявил себя как талантливый журналист, обнаружил незаурядные литературные дарования. Но окончательный выбор он сделал в пользу народного учителя, хотя во времена Ушинского положение учителя было крайне принижено: на него смотрели как на простого ремесленника.

Жизнь Ушинского была подчинена благородной и гуманной цели – просвещению народа, просвещению как необходимому условию процветания и блага, развития и прогресса своей родины. Но большинство его выступлений в литературе и каждый шаг на педагогическом поприще разделял окружающих на два лагеря: одни видели в нем великого педагога, ученого, патриота, другие травили его, не гнушаясь доносами, провокациями, требовали запрещения его книг как «вредных» и «опасных» для России. Беспредельно любя свою родину, Ушинский вынужден был долгие годы скитаться по городам и селениям Германии и Швейцарии, Франции и Англии, Италии и Бельгии.

Говорить о себе, о своей жизни, привлекать внимание к своей личности он не любил. Себя он считал рядовым тружеником на ниве просвещения. Но уже многие его современники понимали, что в лице Ушинского наука о воспитании имеет одного из самых блестящих своих представителей.

Имя К.Д. Ушинского занимает особое место в русской и мировой педагогике. По глубине проникновения в сущность процессов воспитания, обучения, формирования нравственных убеждений, по силе влияния на последующее развитие отечественной педагогической мысли, по степени научной обоснованности его концепция не имела себе равных.

Он по праву считается создателем русской народной школы. На протяжении многих лет практической педагогической деятельности и исследования воспитательных систем и учреждений разных времен и народов, изучения реальных условий и факторов, благоприятствующих и мешающих школьному делу в России, Ушинский наметил пути, продвигаясь которыми школа обретала прочные основы своего существования. Он указал школе ее действительное предназначение: пробуждать в народе жажду знания, развивать его ум, вносить свет во все сферы народной жизни.

Ушинский сформулировал теоретические принципы содержания образования, разработал методы развивающего обучения. С его именем связано широкое распространение в школах России звукового аналитико-синтетического метода, применение которого в несколько раз сокращало сроки обучения детей грамоте, облегчало труд учителя и ученика, принося в него радость познания. Им созданы «Родное слово» – учебник русского языка для первоначального обучения – и «Детский мир» – своеобразная энциклопедия элементарных, доступных пониманию ребенка знаний. Эти книги и методические материалы к ним многие десятилетия служили незаменимыми пособиями для учителей и родителей в повседневной практике обучения и воспитания.

Педагогическое учение Ушинского строилось на знании закономерностей познавательной и воспитательной деятельности, и в этом его непреходящая ценность. Он внес неоценимый вклад в формирование педагогики как общественной науки, определил ей место в общей системе наук, ее характер и взаимодействие со смежными науками. В своем фундаментальном, не имевшем аналогов в мировой педагогической науке труде «Педагогическая антропология» он рассмотрел физиологические механизмы психической деятельности, знание которых имеет первостепенное значение для воспитателя.

Как никто из педагогов, он раскрыл роль человека в социальном, научном и техническом прогрессе, доказав при этом, что правильное воспитание способно приумножить физические, интеллектуальные и нравственные силы человека. Он утверждал, что развитие общества возможно только при условии организации целенаправленного воспитания подрастающих поколений. Осуществить же эту возможность призваны родители, учителя и воспитатели, дело которых, «скромное по наружности», – «одно из величайших дел истории».

* * *

К.Д. Ушинский родился 19 февраля 1823 г. (по другим данным – 1824 г.) в Туле, в небогатой дворянской семье. Отец его, Дмитрий Григорьевич, участник Отечественной войны 1812 г., отличившийся в Бородинском сражении, после выхода в начале 20-х годов в отставку служил чиновником в различных гражданских ведомствах Тулы, Вологды, Новгорода-Северского и других городов России. Мальчик любил слушать рассказы отца о сражениях русских войск и партизан против Наполеона, о пожаре Москвы. Первоначальным обучением будущего педагога руководила мать, Любовь Степановна, которая очень внимательно относилась к любознательности ребенка, поддерживала и развивала его пытливую мысль.

В материнской школе он получил столько знаний, что был принят в III класс гимназии, который в современной нам школе может быть приравнен к классу V–VI.

В университете Костя Ушинский обнаружил не только завидную способность быстро воспринимать и критически оценивать знания, но и умение передавать эти знания другим. «С необыкновенной легкостью и быстротой, – вспоминал его товарищ по университету Ю.С. Рехневский, – усваивал себе самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически. Нередко случалось, что после лекции, в которой нам преподавалась какая-либо слишком мудреная теория... слушатели, плохо поняв суть дела, обращались к Ушинскому с просьбой изложить им всю эту мудрость по-своему, и он всегда успевал растолковать им сущность лекции совершенно верно и удобопонятно».

В студенческие годы К.Д. Ушинский испытывал постоянные материальные затруднения и был вынужден зарабатывать частными уроками. Из своих первых учительских опытов он сделал немаловажный для последующей деятельности вывод: обучение – дело не такое простое, как об этом принято думать. Передавать знания ребенку, подростку без специальной подготовки почти невозможно.

Юридический факультет университета он окончил с выдающимися успехами. Состоявший из двадцати восьми профессоров Совет университета рекомендовал его как «отличнейшего для определения на службу прямо в министерство и другие высшие присутственные места».

В возрасте двадцати трех лет он получает назначение в Ярославский юридический лицей на должность профессора энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов. Здесь он проявил себя как ученый-энциклопедист и талантливый лектор. В своих лекциях он давал систематическое изложение знаний по истории и политической экономике, этнографии и философии, филологии и психологии. В крепостнической России он

говорил о свободе как естественном состоянии человека, о свободном обществе как необходимым условием всестороннего развития, о неотъемлемом праве человека на личное достоинство.

Однако подобные взгляды не разделяло учебное начальство, и Ушинский оставляет профессорскую кафедру. Из Ярославля он едет в Петербург, где скоро убеждается, что двери учебных заведений для него закрыты. Ушинский был близок к отчаянию. Россия представляется ему огромной тюрьмой, обитатели которой обречены влачить жалкое существование. А он хотел жизни иной, наполненной сознательной общественно полезной деятельностью: мечты о личном счастье не отделялись для него от общественного блага. О своих сомнениях и надеждах Ушинский писал в дневнике: «Много ли я прошу у тебя, судьба? Самый маленький уголок под ясным небом, умеренный труд. Я мог бы еще просить у тебя любимой женщины и добрых друзей... но ты так скупа!»

В начале февраля 1850 г. К.Д. Ушинский был зачислен помощником столоначальника в департаменте духовных дел иностранных исповеданий. В свободное от службы время он продолжает изучение философии, экономики, истории, географии, статистики и многих других наук.

Во время служебной командировки в Черниговскую губернию К.Д. Ушинский встретился с Надеждой Семеновной Дорошенко, которая стала его женой. По возвращении в Петербург он много работает в журналистике. За ним утверждается репутация талантливого писателя.

В многочисленных и разнообразных по жанру работах – статьях, обзорах, рефератах, художественных очерках – внимание Ушинского все чаще сосредоточивается на проблемах обучения, образования, воспитания. В 1853 году он писал: «Мы учимся тремя путями: или путем опыта и собственного наблюдения, – путем, ведущим к прочным, но скудным результатам, для которого жизнь человеческая слишком коротка; или нас учат другие: этим путем мы приобретаем менее чем обыкновенно полагают; или, наконец, мы учимся, подчиняясь бессознательно влиянию сильнейших, уже образовавшихся характеров. Образование, передаваемое этим последним путем, ведет к изумительным результатам».

Он искал ответы на вопросы о том, каким образом человек связан с окружающей действительностью, в какой мере зависит он от социальной среды и сложившихся в данных исторических условиях общественных отношений. Его поражала степень развития отдельных способностей человека под влиянием постоянно действующих факторов.

В 1855 г. он получил, наконец, возможность заняться любимым делом: его назначают преподавателем словесности и законоведения, а затем и инспектором Гатчинского сиротского института. Это учебно-воспитательное заведение объединяло систему школ – от элементарной, где начиналось обучение грамоте, письму и счету, до высших классов, в которых воспитанникам излагались такие курсы, как законоведение. С его приходом положение в институте сразу изменилось к лучшему, о чем свидетельствовал хотя бы такой факт: ранее здесь на повторное обучение в классах оставляли учащихся больше, чем переводили в следующий класс. В результате введенных им новшеств всего через один учебный год на повторное обучение было оставлено 180 (ранее – 376) учеников, а переведено в следующий класс 444 (ранее – 243).

В 1859 г. К.Д. Ушинский назначается инспектором классов Смольного института благородных девиц. Это было привилегированное сословное учебно-воспитательное заведение с двумя отделениями, или «половинами»: Николаевским («благородным») и Александровским («неблагородным»). В Александровском училище воспитывались девочки мещанского сословия. В обоих отделениях насчитывалось более 700 девиц в возрасте до 18–20 лет. И здесь он радикально усовершенствовал учебно-воспитательный процесс.

Женскому образованию К.Д. Ушинский уделял много внимания и в период практической деятельности в Гатчинском и в Смольном институте, и в последующее время не случайно. По его убеждению, мать является первой, естественной воспитательницей. От ее педагогической подготовленности во многом зависит умственное развитие и нравственное воспитание ребенка.

Периодом его наибольших научных и творческих свершений были шестидесятые годы. В 1864 г. вышло из печати «Родное слово» (годы первый и второй) вместе с книгой для учащихся («Советы родителям и наставникам...»). Успех ее превзошел все ожидания. Построенная на принципах постепенного и систематического умственного и нравственного развития ребенка, эта книга стала одной из самых распространенных в народной школе. Она издавалась в среднем по три раза в год. И такое интенсивное печатание продолжалось в течение пятидесяти лет!

Выдающимся событием в истории отечественной педагогики явилась книга «Детский мир». Она имела такой успех, что в первый же год опубликования (1861) потребовалось еще два дополнительных ее тиража.

По замыслу автора, «Детский мир» предназначался для чтения на уроках русского языка в младших классах Смольного института. Вместе с тем К.Д. Ушинский считал, что ею могут пользоваться также родители в условиях семьи.

Для создания таких книг требуется объединение усилий ученого-педагога и методиста-экспериментатора, художника слова и любящего родителя. И все эти качества соединились в К.Д. Ушинском. Необычайный успех «Родного слова» и «Детского мира» объяснялся не в последнюю очередь тем, что все содержание их основывалось на личном опыте учебно-воспитательной деятельности автора в Гатчинском и Смольном институтах, а также – что не менее значимо – на опыте воспитания в собственной семье.

В семье К.Д. и Н.С. Ушинских воспитывалось шесть детей, мальчики и девочки. Собственная семья нередко становилась для педагога-исследователя своеобразной опытно-экспериментальной лабораторией. В условиях семейного воспитания многократно проверялось восприятие детьми каждого из помещаемых в книге материалов, их влияние на интеллектуальное, нравственное, эстетическое развитие ребенка.

В период наибольшего расцвета творчества Ушинского его педагогическая деятельность вновь была прервана. Видимой причиной послужил донос священника Смольного института Гречулевича, обвинявшего его в атеизме и материализме. Ушинскому казалось, что он легко может разоблачить религиозного ханжу, доказать клеветнический характер доноса. Но дело, очевидно, заключалось не в доказательстве истины. Педагог был отстранен от должности, а вскоре из Смольного института вынуждены были уйти и приглашенные им преподаватели. К.Д. Ушинскому предложили отправиться за границу «для изучения постановки там женского образования».

Весной 1862 г. он выехал из Петербурга. Местом первой остановки был Бонн, затем он переезжает в швейцарский городок Вевер. С начала сентября систематически изучает женские учебные заведения в кантонах Швейцарии, а затем предпринимает поездки в Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, Лейпциг, Веймар, Вейсенфельс, Гейдельберг... Как видно из писем к друзьям и близким, за границей его не оставляла тоска по родине. «Страшно становится, как подумаешь, что через год или два и остальные тоненькие связи мои с Русью порвутся, и я останусь где-нибудь в Ницце или Женеве».

Изучая различные системы образования в западноевропейских странах, К.Д. Ушинский не прекращал напряженных научно-педагогических изысканий, имевших целью разрешение трех взаимосвязанных задач. Во-первых, выяснение путей создания общеобразовательной школы, которая отвечала бы потребностям России. Эти искания получили отражение в статьях, публиковавшихся в периодической печати того времени. Вторая задача

заклучалась в том, чтобы новые идеи оказывали непосредственное влияние на повседневную учебно-воспитательную практику. Наконец, третьей, еще более грандиозной задачей стало научное обоснование педагогики, которое было дано в его главном труде – «Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии».

В конце 60-х гг. он возвращается в Россию с намерением сосредоточиться на научной и литературной работе. Последней известной нам его прижизненной публикацией была статья «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870). В ней утверждалось, что главная причина медленного развития школьного образования заключается в стремлении привилегированных сословий использовать народную школу в своих узкокорыстных интересах. К.Д. Ушинский отвергал притязания «образованного общества» на руководство делом народного просвещения и заявлял: «Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту не задумается вручить народное образование самому же народу».

* * *

Отечественная педагогика после К.Д. Ушинского развивалась плодотворно в той мере, в какой она шла по проложенному им пути. Какую бы отрасль знания мы ни взяли – теорию воспитания или дидактику, физическое, умственное, эстетическое воспитание или методику наглядного обучения, – в развитии каждой из этих областей науки нетрудно проследить могучее влияние его идей.

Но вот после 1917 г. Ушинский не раз подвергался революционной критике. Великого педагога клеймили ярлыками «монархист», «защитник православия» и тому подобными стереотипными клише из лексикона вульгарного материализма. Да кто же в то время не был монархистом? Разве что те, кто подготавливал в России братоубийственную гражданскую войну? Православие же в его лице действительно имело своего убежденного сторонника, а его обвинение Гречулевичем в атеизме не имело под собой ни малейшего основания. Об этом свидетельствуют как научно-педагогические труды Ушинского, так и образ его жизни. Это хорошо видно из приведенной ниже страницы знаменитых «Писем о воспитании наследника русского престола», в которых педагог характеризовал современное ему так называемое «образованное» общество, как лишенное религиозных и вообще каких-либо убеждений. Он писал: «Увы! понижение религиозного уровня почти что служит у нас признаком возвышения образования, и образованное общество, его передовые люди, сильно заподозревают всякое проявление религиозности или в невежестве, и это еще лучше, или в притворстве, или в сумасшествии. С каким озлоблением, например, накинута вся русская журналистика на бедного Гоголя, когда он печатно высказал свои религиозные убеждения. Его, своего прежнего кумира, обличителя общественных язв, обвинили во лжи, в продажности и, столкнув с подножия, на которое сами же подняли, поставили чуть не наряду с заклеяменными общественным презрением торгашами литературы. Странное, дикое явление, указывающее нам всю глубину раны, мертвящей общественную жизнь! Англия, образованнейшая страна мира, благоговеет перед своим Ньютоном именно за то, что в нем бесконечная глубина разума соединилась с бесконечной глубиной религиозного чувства; а мы, едва выходя из мрака невежества, бросаем грязью в своих великих людей, если они вздумают признаться, что верят Богу и считают необходимым исполнять его заповеди и молиться ему. В Англии религиозность не только может, но и должна идти рука об руку с самым высоким умственным развитием, образованием и гражданской свободой; а у нас религия признак невежества, безнравственности или безумия! И замечательно, что в тех же самых журналах та же Англия ставится образцом цивилизованного государства».

Эти высказывания недвусмысленно свидетельствуют об отношении педагога к православию. И понятно, почему за прошедшие после 1917 года 80 лет они ни разу не были опубликованы.

К.Д. Ушинский был прежде всего ученым. В его исследованиях православие не вступало в противоречие с научной добросовестностью. Более того, без него вообще нельзя было сделать и шагу в познании духовной стороны человеческого бытия, равно как и в преодолении односторонностей материализма.

Сегодня мы как бы заново открываем для себя наследие Ушинского, его учение о ценности образования, о значении педагогической науки, о роли воспитания в развитии общества. «Человек сам и ничто другое есть источник своего богатства, – писал он. – Развейте ум человека, обогатите его познаниями окружающего мира, и он превратит и болота, и пески, и безлюдные горы в источники богатства. А пока человек дремлет в невежестве, до тех пор скудна самая богатая от природы страна, и народы нищенствуют, и финансы находятся в жалком положении, какие бы ни предпринимались кредитные обороты, которые без истинного богатства всегда останутся переключиванием клочков бумаги из одного пустого кармана в другой, такой же пустой».

Как просветитель, К.Д. Ушинский ставил экономическое благосостояние общества в прямую зависимость от успехов образования. Образование создает наиболее ценный «капитал», истинное богатство общества, без которого все другие капиталы останутся мертвыми. «Развивая умственные и нравственные силы народа, обогащая его полезными знаниями, возбуждая в нем разумную предприимчивость и любовь к труду, истинное народное образование сохраняет, открывает и поддерживает именно те источники, из которых льется народное богатство, и льется само собою, без всяких насильственных мер: время, труд, честность, знание, умение владеть собой, физические, умственные и нравственные силы человека – эти единственные творцы всякого богатства».

Горячо выступая в защиту просвещения и свободы, за использование всего полезного из опыта западноевропейских стран, К.Д. Ушинский вместе с тем был противником некритических заимствований воспитательных систем, механического перенесения их на русскую почву. Деятельность школы может быть плодотворной только тогда, когда она отвечает насущным потребностям народа и пользуется его поддержкой. Идея народности воспитания имела основополагающее значение в педагогической концепции К.Д. Ушинского, она раскрывалась в связи с растущим национальным самосознанием и была направлена против влияний на русскую школу воспитательных систем западноевропейских государств, стремления части так называемого «образованного» общества подражать европейской культуре.

Воспитание, особенно в детстве, в первые годы жизни ребенка – задача приоритетная. Обучение может доставлять ребенку всевозможные знания, развивать психические способности, изощрять и восприятие, и память, и мышление, но не культивировать в нем нравственных чувств, не учить его соотносить личные интересы с интересами других, окружающих его людей, не приучать его оценивать свои поступки с точки зрения их общественной пользы. А между тем именно это и является задачей «гораздо более важной, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов».

Чем ниже уровень нравственного развития общества, тем больше усилий требуется при нравственном воспитании подрастающего поколения. От самого рождения в душе ребенка могут укореняться различные чувства – и эгоистические, и социально ценные. Последние К.Д. Ушинский сравнивал с нежным цветком, нуждающимся в заботах, а эгоистические – с сорняками. «Нравственное чувство, благороднейшее и нежнейшее растение души человеческой, требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, другое, как всякий бурьян, не требует для своего преуспевания ни ухода, ни присмотра и, не обуздываемое вовремя, скоро подавляет все лучшие, нежнейшие растения».

Через все труды Ушинского проходит мысль о том, что и образование с самых первых его ступеней, и сама наука должны основываться на заповедях нравственности. При этом он считал, что в воспитании не должно быть места нравоучениям, склонность к которым так сильна у многих учителей и родителей. Не сентенции, а организация жизнедеятельности, вся окружающая детей атмосфера должны быть безупречно нравственными.

К.Д. Ушинский намного опередил современную ему педагогику. «Человек, – писал он, – владеет далеко не всеми силами и способностями, которые скрываются в его нервном организме, только немногие из этой богатой сокровищницы принадлежат собственно человеку, и именно то, что он покорил своему сознанию и своей воле и чем, следовательно, может распоряжаться по своему желанию».

Ушинский считал, что у воспитателя нет средства более пригодного для развития умственных способностей ребенка, чем естествознание, окружающая природа. В хрестоматийные разделы своих книг для родителей и детей охотнее всего он включал рассказы, стихи, загадки о природе, о временах года, о повадках домашних и диких животных, о растениях и т. п.

В органической связи с окружающей жизнью, природой, в общении со взрослыми, со всем видимым миром незримо развивается и духовная жизнь ребенка. Она проявляется прежде всего и главным образом в слове, в родной речи. Родители не всегда по достоинству оценивают язык как универсальное средство воспитания, часто довольствуясь тем, что дитя верно вслед за ними выговаривает отдельные слова, словосочетания. А между тем произнесенное в присутствии ребенка отцом, матерью, кем-то из взрослых слово в период, когда дитя незаметно для окружающих интенсивно усваивает родную речь, может стать тем семенем, плоды которого будут произрастать в последующем – в школьные, юношеские годы, а может быть, и в течение всей его жизни.

Одним из первых в русской педагогике Ушинский обратил внимание на то, что посредством родного языка дитя уже в самые первые годы жизни усваивает глубочайшие в своей основе идеи, нравственные заповеди, понятия. «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ».

Вот почему в книжках Ушинского для детей так много произведений устного народного творчества, его разнообразных жанров: легенд, сказок, народных песен, сказаний, былин, загадок и т. п. Ведь они рождаются в таких глубинах народного духа, что ни один, ни все вместе исследователи фольклора до сих пор не могут, надо полагать, и впредь не смогут, достаточно точно определить ни происхождения конкретной сказки, ни времени ее появления, ни тем более ее автора. Критерием народности в истинном значении этого понятия руководствовался педагог и при отборе для своих детских книжек произведений русской литературной классики – А.С. Пушкина, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова и всех других авторов.

Во времена Ушинского ученые, философы, психологи вели дискуссии о значении и возможностях воспитания. Высказывались две противоположные точки зрения. Одни говорили, что воспитание может все. Человек становится тем или другим благодаря тому, какое воспитание ему дано было в детстве. Другие, напротив, заявляли, что любое преднамеренное воспитание является занятием бесполезным, ибо человека воспитывает сама жизнь, а наставники и учителя здесь ни при чем. Ушинский не разделял эти крайние взгляды.

Он утверждал, что воспитание при определенных условиях может многое, хотя и не все. Конечно, воспитатель не сможет оказывать желаемого влияния на ребенка, не учитывая достаточно полно условий окружающей жизни. Но этого мало. Не менее важно знать самого ребенка как объекта и субъекта воспитания и ясно представлять те идеалы, на которые воспитание ориентировано.

В своем главном научном труде «Педагогическая антропология» ученый исследовал те из психофизических свойств и способностей детского возраста, знание которых позволяет родителям и воспитателям руководить психофизическим развитием ребенка (формирование привычек, развитие памяти, впечатлительности, воображения и др.), а также воспитанием его нравственности. Не только в «Педагогической антропологии», но и в «Детском мире», в «Родном слове» и других трудах, опубликованных в пятнадцати томах сочинений К.Д. Ушинского, есть немало страниц, имеющих прямое отношение к педагогике дошкольного детства.

* * *

Данная книга представляет собой первый опыт тематического сборника. Он включает статьи и фрагменты из научно-педагогических трудов К.Д. Ушинского о воспитании детей-дошкольников. Книга может заинтересовать родителей, студентов и преподавателей государственных, частных и общественных учебных заведений педагогического профиля, воспитателей детских садов. В советское время и в «постсоветские» годы такого издания у нас не было. В ее содержании два раздела.

Первый – это статьи и фрагменты научно-педагогических трудов К.Д. Ушинского, относящиеся к развитию детей-дошкольников: его дидактические советы родителям и воспитателям, в том числе по использованию литературных материалов в общении (занятиях) с детьми.

Второй раздел – это хрестоматийные прозаические и поэтические произведения. Его составляют произведения русской литературной классики: сочинения В.А. Жуковского, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, И.С. Никитина, А.В. Кольцова... Авторство значительного числа произведений принадлежит самому Ушинскому, а классические тексты известных художников слова и произведений устного народного творчества (колыбельные песни, стихи, небольшие рассказы, сказки, басни, скороговорки, притчи) педагогически адаптированы Ушинским с целью приближения их содержания к возможностям детского восприятия.

Сегодня доступность каждого представленного в хрестоматии текста должна определяться самими родителями и воспитателями с учетом степени развития ребенка.

Сокращая отдельные статьи и фрагменты в соответствии с задачами тематического сборника, располагая их логически последовательно, составитель счел возможным не прибегать к отточиям и не отсылать читателя всякий раз к первоисточникам, полагая, что для углубленного изучения наследия К.Д. Ушинского естественно обратиться к другим, фундаментальным, академическим изданиям его сочинений. Большинство подзаголовков в структуре сборника, как и общее его название, принадлежит составителю.

С. Ф. Егоров

Статьи

Родителям и воспитателям

Преимущества домашнего обучения

У нас более чем где-нибудь распространено домашнее первоначальное обучение и дай Бог, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрев множество заграничных школ для малолетних детей, я вынес из этого осмотра полное убеждение, что первоначальное образование и учение детей по крайней мере до 8-летнего и до 10-летнего возраста более на месте в семье, чем в общественной школе, и что самая школа для малолетних детей тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейным характером и более похожа на семью, чем на школу. Я нередко любовался устройством малолетних школ за границей; но всегда находил дурным, что они избавляют от необходимости заниматься с детьми не только таких матерей, у которых весь день поглощен личным и тяжелым трудом, но и таких, которые очень могли бы посвятить обучению своих малюток те немногие часы или, лучше сказать, минуты дня, какие для этого нужны. С удивлением заметил я потом, что в самой педагогической стране в мире вовсе не развиты в женщине те педагогические наклонности, которые столь свойственны женской природе. Не вдаваясь здесь в объяснение причин такого странного явления, я скажу только, что желал бы от всей души, чтобы на моей родине, рядом с устройством малолетних школ для детей, не могущих по каким-нибудь уважительным причинам пользоваться счастьем хорошего домашнего воспитания и учения, развивались в русской женщине наклонность и умение самой заниматься первоначальным воспитанием и обучением своих детей. Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслаждения никому без крайней необходимости. Что женщине врождено стремление учить и развивать свое дитя и вместе с тем даны и необходимые для этого способности, в этом не может быть сомнения. И если многие матери, несмотря на все свое желание не расставаться рано с своими детьми и учить их самим, тем не менее поручают это дело школе или чужим людям, то это объясняется практической неподготовленностью матерей к делу первоначального обучения.

О воспитании в русской семье

Какая-то особенная теплота, задушевность, сердечность отношений, не допускающая мысли об эгоистической отдельности одного лица от другого, составляют отрадную черту характера славянской семьи. Трудно выразить в словах, вообще более удобных для выражения грусти или злости, чем отрадного чувства, то особенно светлое нечто, что рождается в душе нашей, когда мы вспоминаем теплоту родимого семейного гнезда. До глубокой старости остаются в нас какие-то задушевные связи с той семьей, из которой мы вышли. Нам как-то трудно представить себе, что эти связи уже разорваны навсегда, и это глубокое семейное чувство пробуждается в нас по временам, несмотря на толпу воспоминаний, проникнутых горечью и желчью.

Мы не знакомы настолько с семейными отношениями других племен и народов, чтобы высказать о них что-нибудь положительное, но нам кажется, что ни у французов, где семейные связи рвутся так легко, ни у чадолюбивых немцев, ни даже в проникнутых мыслью и деятельностью семейных английских кружках нет той безыскусственности, той глубины и сердечности отношений, которые существуют между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и даже ближайшими родственниками во всякой сколько-нибудь порядочной славянской семье. Есть что-то неуловимо холодное, сдержанное, невысказывающееся в этих условно приличных отношениях, разумно рассчитанных, пожалуй, весьма полезных, но неприятных для патриархального сердца славянина, которые мы замечаем в семействах иностранцев, живущих у нас, и в семейных романах западных писателей. В этих семействах каждый член пользуется большей самостоятельностью, чем у нас, взаимные права и обязанности высказались яснее, но именно, может быть, потому больше холода, больше рассчитанности в словах и поступках. У нас права и обязанности в семействе определены очень плохо, и всякого рода возникающие вопросы решаются не столько по семейному кодексу, сколько по внушению непосредственного, глубоко корнящегося чувства. В сфере этого широко развивающегося чувства, принимающего иногда самые дикие формы, но всегда очаровательного, чувства, которое, может быть, замедлило освобождение крепостного состояния, но зато и помешало ему превратиться в холодное, стальное рабство и которое, без сомнения, помешает также установлению безжалостных фабричных отношений между владельцем земли и земледельцем, в сфере этого чисто славянского семейного чувства выросло сердце русского человека, и этому-то чувству обязано оно, быть может, своими лучшими качествами: теплотой, добродушием, желанием какой-то задушевности в отношениях, тем неуловимо прекрасным оттенком, который примиряет нас иногда с самым закоренелым взяточником, когда мы посмотрим на него в его семейном кругу.

Сознаем вполне всю недостаточность наших способностей, чтобы выразить ясно и притом в нескольких словах это глубокое, родное и всем нам более или менее знакомое чувство: для такого выражения мало чувства и желания, но нужно художество. Из писателей наших, посвящавших свой талант выражению народной жизни, А.С. Пушкин и И.С. Тургенев более других успели перенести этот родной нам всем элемент в свои художественные создания.

Другую отрадную черту в семейном быту нашего дворянства, общую, конечно, и всем прочим сословиям, составляет сильный, глубоко корнящийся в сердце патриотизм, в котором, пожалуй, проглядывает нередко и тот ложный оттенок, который наша литература назвала квасным. Не забудем, однако ж, что если от нашего патриотизма пахнет иногда русским кваском, то и английский также не лишен запаха ростбифа, пудинга, джина, а немецкий сильно отдает пивом и табаком. У всякого народа есть свои патриотические предубеждения, но замечательно, что ни одна литература не вооружалась так против этих

невинных предубеждений, как наша, объявляющая претензию на бесконечное уважение к народу. Посмотрите, например, с какой любовью Диккенс, которого, надеемся, наши литераторы не могут же обвинить в недостатке европейского образования, рисует самые мелочные привычки «доброй, старой Англии», привычки иногда чрезвычайно странные и отчасти даже смешные, и как старается он поддержать эти привычки, возбудить к ним любовь и в тех лицах, в которых они под иностранным влиянием начинают исчезать. Что, если бы в нашей литературе какой-нибудь писатель заговорил таким же языком, как Диккенс, каким бы градом колкостей, насмешек, какой бы бранью встретили его многие наши quasi европейские критики! Это явление стоит того, чтобы о нем подумать. Или уже действительно в нашей русской жизни нет ничего, что бы заслуживало пощады, и мы с головы до ног должны перерядиться в чуждый костюм? Но в таком случае интересно бы знать, какой же костюм нам посоветуют выбрать: английский, французский или немецкий? Потому что нарядиться разом во все немножко неудобно: в платье, сшитом из разнохарактерных лоскутков, мы не будем походить ни на один образованный народ в мире: такое платье, увы, шутовское платье!

Но много или мало квасу в нашем патриотизме, только этот патриотизм глубоко вкоренен и в наших дворянских семействах, хотя спит до поры до времени и пробуждается только после какого-нибудь сильного толчка. Мы не будем припоминать здесь всех тех фактов народной жизни, когда патриотизм русского дворянства проявлялся во всей своей силе. Мы все еще недавно пережили эпоху, когда общее народное бедствие не с одного русского человека сорвало французскую, английскую или немецкую маску, и мы не без удивления узнали русских в таких людях, которых давно считали за чистейших иностранцев; это превращение доходило даже до крайности, и продлился еще немного этот тяжелый, но великий период, и мы уверены, что русская речь зазвучала бы в самых модных салонах и наши православные храмы наполнились бы людьми, которые давно туда не заглядывали. Нет, назло нам самим в нас гораздо более патриотизма, чем мы сами думаем, но много также того прирожденного славянского недостатка, который увлекает нас чужеземщиной далее пределов благоразумия.

Мы считаем выражением патриотизма и те проявления любви к родине, которые выражаются не в одних битвах с внешними врагами: высказать смелое слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит и мимо. И в этом отношении история русского дворянства, русской литературы и вообще русского образования, неразрывно связанные между собой, имеют много великих страниц. Да и в настоящее время в каком классе преимущественно началось овладевшее всеми нами глубокое сильное сознание своих недостатков и желание во что бы то ни стало выйти на лучшую дорогу?

Не будем же слишком строги и к нашему, хотя бы и квасному, патриотизму: это богатая почва, на которой выросло и расцвело множество прекрасных растений. Какое сходство между великолепным цветком далии и ее некрасивым, запачканным корнем? Но только для ребенка трудно понять, как такой некрасивый корень дал столько роскошных цветов.

Одно беда, что это чувство патриотизма, пробуждающееся по временам с истинно львиной силой, оказывает мало влияния на спокойный ход нашей жизни, на исполнение постоянных, ежедневных наших обязанностей. Нам рассказывали про одного помещика, который, снарядив двух сыновей своих в Севастополь, потом и сам пошел вслед за ними, а между тем этот человек составил себе состояние на службе самыми подозрительными средствами, явление, к сожалению, весьма возможное!

Вот на уничтожение этой-то раздвоенности нашей природы должно преимущественно действовать воспитание, и если мы не оправдываем тех поддельных патриотических возгласов и даже преднамеренных патриотических неправд, которыми наполнена наша старая литература и наши старые учебники, то тем не менее нам смешно и жалко, больно и досадно

слушать и читать, когда какой-нибудь литератор или наставник усиливается доказать, например, что французов в двенадцатом году побили морозы, что в истории нашей все достойно насмешки и презрения, или с наслаждением *развенчивает* Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя, показывая детям, какие это были мелочные, пошлые натуры, или доказывает с увлекательным жаром, что ни в нашем прошедшем, ни в нашем настоящем нет ничего такого, на чем могла бы остановиться юная душа с любовью и уважением. Если бы английский, немецкий или французский педагог подметил в ком-нибудь из нас такое направление, то он, без сомнения, взглянул бы на нас с глубочайшим удивлением, как на безумцев, не имеющих ни малейшего понятия ни о душе человеческой, ни о нравственном достоинстве ее, ни о ее воспитании. Нет, это не значит воспитывать душу, а скорее разрушать ее, это не значит оплодотворять природу, а скорее делать ее совершенно бесплодной; нет, это не образование, а дикость, вандализм, потому что только варварам свойственно не иметь истории и разрушать драгоценнейшие ее памятники, истреблять все и не созидать ничего. А это поистине вандализм, все разрушающее, ничего не сберегающее и ничего не созидующее направление нередко принимается у нас многими за признак высшего европейского образования, тогда как в целой Европе нет ни одного самого мелкого народца, который бы не гордился своей национальностью; даже наш бедный, прижатый к земле западный брат славянин и тот гордо подымает голову, когда затронут его народность и его народную религию. Хотя бы из подражания англичанам, французам или немцам захотели и многие из нас, в свою очередь, иметь, уважать и любить свою народность!

Но, спросят нас, быть может, к чему мы ведем нашу речь, к чему мы выставляли дурные и хорошие стороны нравственного воспитания двух классов общества? Сознаем вполне, что выполнили нашу задачу очень плохо, но о важном значении самой задачи мы готовы поспорить с кем угодно. Мы должны познакомиться с настоящим состоянием воспитания в русском народе прежде, чем захотим внести туда наши теории и улучшения.

Русская семья со всеми своими элементами, добрыми и дурными, со всей своей внутренней жизнью, дающей и целебные и ядовитые плоды, есть создание истории, которого нельзя заменить никакой искусственной постройкой. Напрасно мы хотим *выдумать* воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ, с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Эта почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись к ней же самой, к ее требованиям, силам, недостаткам, но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаос, какие враждующие противоречия, какие нелепицы, кажущиеся нам разумными сегодня и крайне глупыми завтра, появились бы в воспитании русского народа, если бы оно было послушным воском в наших руках. Всякая цельность в народе исчезла бы навсегда, и та его долговечность, в которой жизнь отдельного человека является минутой, а жизнь целого поколения — одним днем, имеющим свои мимолетные слабости, прихоти и увлечения, была бы навсегда разрушена. Мы безумно подкопали бы корень векового растения и рассыпались бы потом сами, как рассыпаются листья с иссохшего дерева. Нет, позаботимся о том, чтобы дерево росло лучше, но не дерзнем коснуться его вековых корней! Дерево сильно — оно выдержит много новых прививок, сколько-нибудь ему свойственных, но благодаря Богу корни этого дерева уходят глубоко в землю, так что мы до сих пор не успели их докопаться. Нет, русское воспитание не поддается и не поддастся нашим усилиям до тех пор, пока мы сами в себе не примирим европейского образования с живущими в нас элементами народности. <...>

Глубокие, душевные принципы патриархального быта, чуждые, с одной стороны, юридической строгости римского права, более или менее легшего в основу быта западных народов, а с другой — меркантильной жестокости и расчетливости, преобладание то льюще-

гося неприметным ручьем, то расстилающегося широкой рекой славянского чувства, порывистого, неровного, но имеющего достаточно силы, чтобы иногда одним натиском вынести человека из самой глубины нравственного омута на вершины человеческого достоинства; необыкновенное обилие инстинктов, скорее угадывающих, нежели изучающих; необыкновенная, изумляющая иностранцев восприимчивость ко всему чуждому, льется ли оно с Востока или Запада, и вместе с тем стойкость в своей национальности, хотя часто бессознательная; наконец, древняя православная религия с ее всемирно-историческим значением, религия, превратившаяся в плоть и кровь народа, – вот что должно проявиться в народности русского воспитания, если оно хочет сделаться действительным выражением народной жизни, а не насильственным, чуждым народности подражанием, не растением без корня, которое, беспрестанно увядая, беспрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться с чуждой почвы, пока наша вновь его испортит.

Знаем, что для многих всякая особенность в характере русского воспитания есть дело совершенно бесполезное, хотя они признают значение таких особенностей в воспитании других народов. Знаем также, что для многих наша народная религия как необходимый элемент воспитания кажется требованием излишним и стеснительным, но тем не менее, считая святой обязанностью каждого в таком великом деле, каково народное воспитание, выражать свои глубочайшие убеждения, мы скажем, что уже по одной народности этой религии не только всякий воспитатель юных поколений, но даже всякий, кто не хочет показать, что он не любит и не уважает своего народа, должен если уже не с любовью, то по крайней мере с глубочайшим уважением прикасаться к тем его убеждениям, которые для него так святы и дороги и с которыми неразрывно срослось все, что есть лучшего в его природе. Если, воспитывая дитя, мы должны с уважением приближаться к душе его, то во сколько раз должно быть больше это уважение к душе народа, когда мы принимаемся за дело его воспитания. Но как часто нам попадаются такие литературные явления, в которых авторы, думая, конечно, действовать в интересе народного воспитания, начинают с того, что топчут прежде всего с презрением все народное и не замечают, как нерационально такое начало воспитания. Как часто попадаются нам такие литературные явления, в которых авторы, думая, без сомнения, действовать в интересе народа, на самом деле угождают только минутной прихоти разнохарактерной и разноязычной толпы, которая обыкновенно в великие народные эпохи или исчезает без следа, или оказывается настоящей чернью. Мы не говорим уже о тех литературных деятелях, которые именно и рассчитывают на эту минутную прихоть, какого бы рода она ни была, и, не имея никаких убеждений, занимаются только торговлей. Время, т. е. постепенно развивающаяся жизнь народа, произносит свой медленный, но неотразимый суд и над литературой. Так гигант, вырастая, разрывает путающие его снаружи пеленки, унося с собой только то, что коснулось души его. «Все минется – одна правда останется», – говорит наш народ, выражая свою веру в историю и вечную правду провидения, правду, которую часто, как и самое небо, скрывают от нас туманы, поднимающиеся с нашей же земли. Уже и на Западе начинают рассеиваться узкие, фанатические предубеждения против православного христианства, уж и там беспристрастные ученые, посвятившие свою добросовестную деятельность изучению истории величайшего элемента жизни человечества – изучению христианства, начинают заменять прежние, изобретенные фанатизмом названия нашей восточной церкви названием исторической, начинают, хотя еще смутно, сознавать, что величественный, исторический храм христианства сохранен именно православием.

Близко, может быть, и то время, когда всякий образованный иностранец, если не с верой, то с глубочайшим уважением будет входить в древний величественный храм христианства, сохраненный Востоком, где и для иноверца, умеющего ценить глубину идеи и красоту форм, каждое украшение, каждая песнь проникнуты той величавой простотой и в то же время той недостижимой глубиной, подделка под которую еще более невозможна, чем под-

делка под классическую древность. Есть что-то чудное, недоступное прихоти времени даже в том необыкновенно богатом, звучном и выразительном языке, которым оглашаются наши русские храмы и происхождение которого укрывается от самых пытливых взоров, вооруженных всеми средствами европейской науки.

Все это мы говорим здесь с той целью, чтобы показать, что истинная, добросовестная наука, каковы бы даже ни были личные верования самого ученого, не только найдет возможность построить народное образование на прочной основе нашей народной религии, но, как величайшим сокровищем, как неисчерпаемым и уже существующим источником нравственного и умственного развития, будет дорожить этой исторической основой, столько же христианской, человеческой и художественной, сколько и народной.

Мы высказали здесь далеко не все, что намерены были высказать, но в заключение скажем только одно: что русское воспитание нуждается не во внешних формах, не в замене прежнего вышедшего уже из моды и истасканного нами костюма новым, столь же иностранным и столь же нам чуждым, что, хотя, конечно, очень многое можем и должны занять из опытов иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чуждая пища, когда он, вскормленный молоком матери, уже приобрел достаточно сил, чтобы переваривать и уподоблять эту чуждую пищу и силой своей собственной, самостоятельной жизни превращать ее в кровь и тело.

Реалии народности в формировании характера

Мы позволим себе высказать несколько замечаний вообще о характере и о том, как он образуется в человеке.

Характер каждого человека складывается всегда из двух элементов: природного, корнящегося в телесном организме человека, и духовного, вырабатывающегося в жизни, под влиянием воспитания и обстоятельств. Оба эти элемента не остаются между собой изолированными (это было бы бесхарактерностью), но взаимно действуют друг на друга, и из этого взаимного воздействия прирожденных наклонностей и приобретаемых в жизни убеждений и привычек возникает характер. Самое убеждение тогда только делается элементом характера, когда переходит в привычку. Привычка именно и есть тот процесс, посредством которого убеждение делается наклонностью и мысль переходит в дело.

Природа, следуя своим неизменным и непостижимым еще законам, повторяет в детях телесный организм отца и матери в разнообразнейших комбинациях. И хотя наука различила только три или четыре темперамента, но это не более, как типы, никогда не встречающиеся в своей чистоте, но в бесконечном множестве разнообразнейших смесей. Как нет двух листьев на дереве, совершенно сходных между собой, так нет двух людей, природные темпераменты которых были бы совершенно сходны.

Не нужно иметь много наблюдательности, чтобы убедиться, что духовное развитие отражается в наружности человека. Всмотритесь в самое прекрасное лицо дикаря, в выражение его чувств, в его мимику, движения, походку, вслушайтесь в его смех, в тоны его голоса, и вы увидите, что это неразработанная, хотя, может быть, и богатая почва, грубая, хотя, может быть, и прекрасная кора, через которую не пробился еще дух. «Душа еще не выглянула в глаза и не смотрит в них» – по выражению поэта, не совершенно, впрочем, верно. Образуйте самого этого дикаря, и наружность его примет другой характер. Если же образование будет последовательно трудиться над ним, его детьми и внуками, то его влияние будет еще заметнее: наружность целого племени будет разрабатываться последовательно.

Но не одно умственное развитие отражается в наружности человека – нравственная сторона его души также ищет высказаться в теле. Кто не замечал, какое иногда страшное изменение происходит в наружности человека под влиянием безнравственной жизни? Мно-

гим, вероятно, удавалось на своем веку видеть примеры, как постоянная привычка унижаться и подличать превращала мало-помалу самое прекрасное лицо в отвратительную вывеску душевной низости. Всякая новая низость, всякая взятка, например, записывалась в нем новой чертой. Никакой лоск благоприличия, никакая мягкость манер, никакая светскость не закроет этих черточек: рано или поздно они пробьются наружу, хотя и не всякий, может быть, прочтет то, что написано в них природой.

Образ мыслей человека, образ его действий, привычки, приобретенные им в жизни, его умственное и нравственное развитие – все, что определяется воспитанием и жизнью в обществе, изменяя духовную сторону характера, отражается в его телесной стороне, и, таким образом, *идея характера начертывается в наружности*. Эту-то идею схватывает талантливый живописец, умеющий найти и передать на полотне типическую черту характера, отличить существенное от случайного. Бессмысленная копия физиономии, хоть будь она сделана дагерротипом, никогда в этом отношении не заменит живописи. Гений художника умеет выдвинуть на первый план именно ту черту физиономии, которая составляет типическую особенность лица. Хороший портрет не только передает характер человека, но часто объясняет смысл этого характера для непривычного глаза, который путается во множестве случайных и искусственных черт подлинника.

Труднее убедиться в том, что эти черты наружности, приобретаемые человеком в жизни, переходят наследственно к его детям при самом рождении. Повторение их в детях – факт неоспоримый, но этот факт можно объяснить силой впечатлений, получаемых душой ребенка в семействе и потом уже отражающихся в его наружности. Но, признавая всю силу первых впечатлений, мы, однако же, признаем возможность передачи таких характеристических черт и непосредственно через рождение.

Кому покажется такое убеждение лишенным основания, тому мы укажем на другой факт, слишком известный и слишком очевидный для того, чтобы в нем можно было сомневаться.

Кто не знает, какие иногда странные знаки появляются на теле ребенка под влиянием глубокого душевного потрясения, испытанного матерью во время беременности? Этого не могло бы случиться, если бы это душевное потрясение не производило хотя бы временного изменения в организме матери, довольно сильного для того, чтобы оно могло отразиться в организме ребенка. Эта передача бывает иногда так верна, что в форме родимого пятна отражается форма впечатления, принятого матерью. Но если минутное впечатление производит такое влияние на организм, то почему же, например, постоянная победа человека над своими дурными наклонностями или постоянная торговля его со своей собственной совестью не может произвести в его организме менее заметных, но зато более постоянных и глубоких изменений? Почему, наконец, эти изменения не будут передаваться детям, наследующим организм своих родителей?

Замечательно и то явление, что мелкие и характеристические черты наружности родителей – улыбка, взгляд, смех, мимика, движения, тон голоса, походка, вообще все черты, так много зависящие от воспитания, образа мыслей и действий, чаще передаются детям, чем грубые особенности лица и тела, которые кидаются в глаза первые, но, будучи случайными, не выражают характера человека. Грубые телесные повреждения также никогда не повторяются в организме детей; между тем мы не можем не признать наследственности многих болезней, причины которых скрыты глубоко от глаз человека: сумасшествия, каталепсии, наклонности к пьянству и пр. Часто в ребенке, у которого цвет волос, глаз, лица совершенно другие, чем у родителей, мы находим поразительное сходство с отцом или матерью, а иногда с тем и другим вместе, и притом так, что один и тот же человек, в молодости похожий более на мать, в зрелом возрасте походит на отца и под старость опять начинает походить на того, на кого походил ребенком. Жизнь своим влиянием как будто вызывает наружу то

те, то другие черты бесконечно глубокого создания природы и постепенно раскрывает его богатое содержание.

Природа в этом случае является гениальным портретистом и, отбрасывая случайности, схватывает мелкую, но типическую черту потому именно, что корень этой черты лежит глубже, в организме человека. Она только никогда не бросает своей кисти, и портрет ее живет и развивается, как сама жизнь. Под старость уже миллионы черт пестрят этот образ, вначале едва набросанный, и только смерть останавливает руку великого художника.¹

Здесь не место, конечно, вдаваться в более подробные физиологические наблюдения, но мы не извиняемся перед читателем, что, говоря о педагогике, забрались в физиологию. Физиология и психология или, пожалуй, антропология идут рука об руку, и обе составляют или, по крайней мере, должны составлять основу искусства воспитания, которое, по выражению Песталоцци, берет человека всего, его тело и его душу.

Таким образом, организм родителей со всеми его характеристическими прирожденными особенностями и со всеми изменениями, внесенными в него духовной жизнью человека, в разнообразнейших комбинациях передается детям и составляет для них весь объем прирожденных наклонностей. Жизнь ребенка в семье, где раскрывающаяся душа его получает первые и самые сильные впечатления, только развивает далее врожденные задатки характера. Кто не знает, как сильно действует на характер ребенка пример и влияние родителей, тем более что этот пример и влияние находит уже подготовленную для себя почву?

Но сознание проясняется, воля показывается, религия и воспитание приходят на помощь, и новая борьба разумной жизни с темной бездной природы начинается; она происходит на том же поле, только освеженном долгой зимой, приходит новая весна, и сеются вновь семена добра и истины. Почва может оказаться лучше, может оказаться и хуже прежней, засеянная плевелами прошлого года, но все зависит от труда и лета.

Природа своими таинственными буквами записывает в теле человека всю историю его бессмертной души, и эта дивная летопись природы передается из поколения в поколение, от отцов к детям, внукам и правнукам, разнообразясь, развиваясь, изменяясь бесконечно под влиянием жизни человека в истории.

Но как ни разнообразны человеческие типы у образованных народов вследствие бесконечного разнообразия типов родовых, семейных и личных, *природа всегда успевает в бесчисленном множестве характеристических черт в наружности человека выдвинуть на первый план черту народности*. Эта черта по большей части бывает так ясна, что небольшого навыка достаточно, чтобы угадать по первому взгляду француза, англичанина, итальянца, немца или русского, хотя у всех этих народов царствует бесконечное разнообразие физиономий.

Черта национальности не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок. Наружность в этом случае может служить лучшим доказательством, что и в душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих. В самом деле, не примешивается ли национальность почти ко всем нашим поступкам; а как богата жизнью и внутренним содержанием эта черта нашей природы! Она выдерживает напор столетий и не истощается миллионами отдельных личностей. Типические черты характера многочисленных племен, составивших государства современной Европы, прожили века, и до сих пор еще история продолжает черпать из этого богатого источника. Взгляните, например, как кровь одряхлевшего Рима до сих пор еще борется с германским элементом в характере итальянцев; как древний англосаксонский

¹ Замечательно также, что ребенок похож иногда на деда или дядю, хотя черты их вовсе не были приметны в отце и матери; так природа иногда в ребенке выводит наружу черты, скрытые от глаз в организме его родителей. Все это такие факты, о которых стоит подумать и на которые до сих пор весьма мало обращали внимания физиологи и психологи.

характер отразился в трех частях света; как верен остается себе испанец на новой американской почве; как еврей посреди самых разнообразных народностей шестнадцать столетий сохраняет свой резкий национальный тип.

Сила характера, независимо от его содержания, – сокровище, ничем не заменимое. Она почерпается единственно из природных источников души, и воспитание должно более всего беречь эту силу, как основание всякого человеческого достоинства. Но всякая сила слепа. Она одинаково готова разрушать и творить, смотря по направлению, которое ей дано. Все решается наклонностями человека и теми убеждениями, которые приобрели в нем силу наклонностей.

Воспитание должно просветить сознание человека, чтоб перед глазами его лежала ясно дорога добра. Но этого мало. Каждый из нас видит прямую дорогу, но многие ли могут похвалиться, что никогда не уклонялись от нее? Побеждать свои природные влечения каждую минуту – дело почти невозможное, если посреди этих влечений мы не находим себе помощника, который бы облегчал для нас победу над нашими дурными наклонностями и в то же время награждал бы нас за эту победу. К чести природы человеческой должно сказать, что нет такого сердца, в котором бы не было бескорыстно добрых побуждений, но эти побуждения так разнообразны и иногда так глубоко скрыты, что не всегда легко отыскать их. Есть одна только общая для всех прирожденная наклонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем *народностью*. Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкорененной страхом наказаний. Вот основание того убеждения, которое мы высказали выше, что воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным.

Чувство народности так сильно в каждом, что при общей гибели всего святого и благородного оно гибнет последнее. Взятчик, источивающий, как червь, силы своей родины, сочувствует ее славе и ее горю. В злодее, в котором потухли все благородные человеческие чувства, можно еще доискаться искры любви к отечеству: поля родины, ее язык, ее предания и жизнь никогда не теряют непостижимой власти над сердцем человека. Есть примеры ненависти к родине, но сколько любви бывает иногда в этой ненависти!

Взгляните на людей, поселившихся на чужбине, и вы убедитесь вполне, как живуча народность в теле человека. Поколения сменяют друг друга, и десятое из них не может еще войти в живой организм народа, но остается в нем мертвой вставкой. Можно позабыть имя своей родины и носить в себе ее характер, пока беспрестанные приливы новой крови, наконец, не изгладят его, так глубоко и сильно вкоренил творец элемент народности в человеке.

Удивительно ли после этого, что воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа.

Но, кроме того, только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития.

Что бы ни говорили утописты, но народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории. В силу особенности своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью. До настоящего времени все развитие человечества основывается на этом разделении труда, и жизнь историческая подчиняется в этом отношении общим законам организма. Каждому народу суждено играть в истории свою особую роль, и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен. История не терпит повторений. Народ без народности – тело без души, которому остается только

подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность. Особенность идеи есть принцип жизни, наука же, идеи которой общи для всех, не жизнь, а одно сознание законов жизни, и народ только тогда поступает вполне в ведение науки, когда перестает жить. Идея его жизни, делавшая его особым народом, поступает в общее наследство человечества, а тело его – племя, которое его составляло, потеряв свою особенность, разлагается и ассимилируется другими телами, не высказавшими еще своей последней идеи.

Но если народность является единственным источником исторической жизни государства, то само собой разумеется, что и отдельные члены его могут почерпнуть силы для своей общественной деятельности только в этом источнике. Каким же образом общественное воспитание, один из важнейших процессов общественной жизни, посредством которого новые поколения связываются общей духовной жизнью с поколениями отживающими, может отказаться от народности? Неужели, воспитывая в человеке будущего члена общества, оно оставит без развития именно ту сторону его характера, которая связывает его с обществом?

Что такое вся история народа, если не процесс сознания той идеи, которая скрывается в его народности, и выражение ее в исторических деяниях? Но это сознание совершается в единичных человеческих самосознаниях и, создаваясь из атомов, делается непреодолимой исторической силой. Чем сильнее в человеке народность, тем легче ему в самом себе рассмотреть ее требования, и что относится к великим историческим деятелям и великим народным писателям, которые подвигают периодами народное самосознание, то может быть приложено и к каждому члену общества. Для того уже, чтобы понять великого человека или сочувствовать народному писателю, необходимо носить в самом себе зародыш народности.

Общественное воспитание, которое укрепляет и развивает в человеке народность, развивая в то же время его ум и его самосознание, могущественно содействует развитию народного самосознания вообще; оно вносит свет сознания в тайники народного характера и оказывает сильное и благотворное влияние на развитие общества, его языка, его литературы, его законов, словом, на всю его историю.

Общественное воспитание есть для народа его семейное воспитание. В семействе природа prepares в организме детей возможность повторения и дальнейшего развития характера родителей. Организм новых поколений в народе носит в себе возможность сохранения и дальнейшего развития исторического характера народа. Воспитанию приходится часто бороться с семейным характером человека, но его отношение к характеру народному – совершенно другое. Всякая живая историческая народность есть самое прекрасное создание Божие на земле, и воспитанию остается только черпать из этого богатого и чистого источника.

Но разве народность не нуждается в исправлении? Разве нет народных недостатков, как и народных достоинств? Неужели воспитание должно укоренять упорство в англичанине, тщеславие в французе и т. д.?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.